
Мы обязательно встретимся
автор:
Андрей Арсеньев
художник:
Эдуард Застольников

Дюклён

Андрей Арсеньев

Мы обязательно встретимся

«Автор»
2026

Арсеньев А.

Мы обязательно встретимся / А. Арсеньев — «Автор», 2026 — (Дюклён)

Перед вами очередная история о мальчике и его необычайном друге по имени Дюклён, который вновь потерял своего дракона Мурдиклиффа и потому вынужден заключить устный договор с мальчиком, чтобы тот помог ему в поисках.Но на этот раз Дюклён столкнётся с непредвиденными обстоятельствами...«Всё идёт по плану», – такая брехня здесь точно не пройдёт.Дюклёну придётся столкнуться со своим заклятым врагом лицом к лицу, дабы извлечь дракона из плена и покинуть человеческий мир. Но получится ли у него?Как это всегда и заведено у автора, история от и до проникнута юмором и печалью. Если, читая последние страницы повести «А ты не сдерживай слёз и реви», вы всё-таки не сдержались и заревели, то вторая часть дилогии о Дюклёне заставит вас, собственно говоря, сделать то же самое.Вот только как скажется это второе потрясение на вашем организме? Выдержите ли вы его? Или нет?

© Арсеньев А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Арсеньев
Мы обязательно встретимся

– …и жили они долго и счастливо. – Дед аккуратно закрыл книгу и обратился к двум маленьким внучатам, прижавшимся к его бокам. – Ну как, понравилась вам сказка?

– Нет.

– Нет!

Прокричали внук и внучка.

– А что не так? – спросил дед.

– Скучная.

– Да, очень скучная! – согласился с сестрой младший братик.

– Так сказки на ночь и должны быть скучными, чтобы под них хорошо засыпалось. Вон, поглядите на бабку. Вот ей сказка понравилась.

Три головы повернулись к лежащей рядом бабушке, почивающей непробудным сном. Её храп сотрясал всю кровать, на которой все четверо домочадцев и лежали в тот момент. Весь рот бабки был в слюнях, которые при храпе, как ленточки на вентиляторе, устремлялись по направлению воздуха, но ото рта не отлипали. Вылитый бульдог.

Вокруг стояла темень. Свет от висящей на стене лампы, установленной по центру изголовья кровати, старательно удерживал тела домочадцев над пропастью, ведущей в царство тьмы. Моментами свет тускнел, а то и моргал, издавая измождённый треск. Двое внучат лежали, упокоив свои головы на дедовой груди. Дед очарованно и с ненавистью глядел на бабку, завидуя её безмятежному сну и в то же время желая заткнуть кляпом её громогласный динамик.

– Спать собираетесь? – строго спросил дед у внучат, потому как сам привык в такое позднее время храпеть. Его веки то и дело норовили сонно опуститься на глаза. Свет лампы в подражании тускнел.

– Не-а.

– Не-а!

– Деда, расскажи историю про Дюклёна, – жалобно умоляла внучка и с силой обхватила деда за шею.

– Да, про Дюклёна!

Дед зевнул и устало захныкал:

– Ну я же вам её уже рассказывал.

– Мы её уже забыли.

– Да, забыли!

– Расскажи ещё раз.

– Расскажи, расскажи!

Внучата принялись колотить деда по груди.

– Ну ладно, ладно, хватит… – сказал дед, отбиваясь от ударов и приподнимаясь выше к изголовью кровати. – Массаж сердца, я думаю, мне ещё рановато делать. – Дед наклонился к прикроватной тумбочке и положил туда скучную сказку, затем поправил под собой подушку, стащил с носа очки, которые повисли на груди при помощи верёвочки, и устремил взгляд в темь перед собой. – Про Дюклёна, значит, хотите ещё раз послушать, да? – произнёс он, мягко улыбнувшись.

– Да.

– Да!

– Ну хорошо, расскажу я вам про Дюклёна. Слушайте внимательно… – начал дед и замолк под натиском бабкиного храпа. Дед посмотрел на бабку и, не выдержав, изо всех сил толкнул её в плечо. – Пшла на! – Бабка перевернулась и грохнулась на пол. Теперь из-под неё

стало доноситься лишь монотонное сопение. Дед довольно вздохнул и ласково приобнял внучат. – А вот теперь слушайте. На этот раз я расскажу вам историю гораздо подробнее, не то что в прошлом году... Всё это началось очень и очень давно, ещё в те славные времена, когда я был таким же сопляком, как и вы, когда бабку вашу я в глаза не видел, когда ноги мои ещё ходили, а аптеки я обходил стороной…

* * *

Дело всё происходило зимой, в деревне. Хотя, думаю, стоит упомянуть предысторию, начинающую свой отсчёт за пару дней до основного рассказа, когда я, моя младшая сестра и родители отмечали Новый год у себя дома, в городе. Помню, в качестве подарка в новогоднюю ночь я мечтал наконец-таки заполучить от мамы и папы свой первый телефон, но, к несчастью, они посчитали, что я своим поведением этого не заслужил. Дело в том, что незадолго до этого я совершенно случайно выбросил в мусорный контейнер все куклы, принадлежавшие моей сестрёнке, а это целых три мусорных мешка, между прочим. Совершил я это злодеяние ночью. Всему виной оказался мой лунатизм, так я оправдывался перед родителями, но они мне верить не желали. Не знаю, что было тому причиной. Может, потому, что накануне я подрался с сестрёнкой и со злобы прокричал, что выброшу все её куклы в мусорку, а, может, из-за того, что на следующий день я подошёл к плачущей сестрёнке, подвёл её к окну, улыбнулся и сказал, указывая пальцем на подъехавший к контейнеру мусоровоз: «Гляди, как Кен сейчас твою Барби и её подружек забирать будет». И она увидела. Пакеты были не завязаны и несколько красивых кукол лежало на самом виду. Мы жили на третьем этаже, и потому нам с сестрёнкой было прекрасно видно, как в одно мгновенье Барби и её подружки оказались захороненными под горой мусора.

Если уж по моему мнению куклы оказались там, где им и было место, то и мне в качестве новогоднего подарка предоставилась возможность оказаться там, где я заслуживаю, а если быть точнее, у бабушки в деревне. Как я не умолял родителей этого не делать, всё оказалось без толку. И в конечном итоге вышло так, что я отправился проводить зимние каникулы в деревню, а мои мама, папа и сестрёнка улетели подальше от морозов в жаркий Египет. Помню, неслабо я тогда вспылил, услышав новость про Египет («Почему едет она, а не я, а?!»), но все улики указывали на меня. Да и, честно говоря, правы были родители на мой счёт, я ведь сам во всём был виноват, что поделать. Не было у меня никакого лунатизма. Вот так-то я и оказался в гостях у бабушки…

Деда, а почему тебе не нравилось жить у бабушки?

А ты сама подумай. Это ведь была глухая деревня. Жителей там было людей триста, не больше. Там даже интернет не работал. А если бы и работал, толку от этого не было бы никакого, потому что телефона у меня не было. Правда, у бабушки он был, но кнопочный. По телевизору одни региональные каналы. Мультики если и показывали, то часов в шесть утра. Даже задрипанных Денди и Сеги не видать. Но это ещё ничего. Самая главная причина, по которой я не хотел гостить у бабушки, заключалась в её домашнем хозяйстве. Дело в том, что у бабушки, несмотря на то что она была довольно-таки пожилой и одинокой, в хозяйстве имелось немало коров, лошадей, свиней, овец и даже кабанов. Это знакомые охотники как-то раз преподнесли ей в качестве подарка раненую кабаниху. (Просто бабушка постоянно продавала им свой самогон.) А спустя некоторое время уже сама кабаниха подарила бабушке несколько кабанят. (Не знаю, в самогоне то было дело или нет.) И в придачу ко всему этому у бабушки был целый двор птиц!

Как вы понимаете, за всей этой живностью нужно было ухаживать. Кормить там, поить, чистить у них. Странная обстояла ситуация, конечно: значит, когда я бабушки не гощу, то она сама управляется с хозяйством, а когда я к ней приезжаю, так, на тебе, некому всё это

делать… И в оправдание этому бабушка постоянно приводила свои возрастные болячки, список которых доходил до сотни. Но что интересно, свои проблемы со зрением, она никогда не упоминала, хотя у ней с этим действительно были нелады. Очки упрямо не носила, несмотря на то что регулярно стукалась головой о дверной косяк. Ходила всё время щурясь. Со стороны казалось, что и вовсе с закрытыми глазами. И что мне ещё не нравилось у бабушки, так это то, что она постоянно просила меня ей что-нибудь принести. Бывало, сидит она в кресле-качалке и просит:

– Внучок, принеси мне плед.

Я приношу.

Через минуту:

– Внучок, принеси мне чайку.

Потом ещё что-то. И так несколько раз за час, пока бабушка уже и сама не знала, что ей ещё принести. Помню, как под конец она со щербатой улыбкой говорила:

– Внучок, принеси мне… что-то.

И я приносил это что-то.

И что это было?

Зачастую это был клубок со спицами. Бабушка обожала вязать и надолго пропадала в этом занятии. Что-что, а в этом деле она была мастерица. Для этого ей даже не нужны были глаза. Я не раз замечал, как она вязала посреди ночи, в тамошнем мраке, посиживая в кресле-качалке. Она даже во сне занималась этим рукоделием. По крайней мере, глаза её в такие моменты были прикрыты, а изо рта вырывался храп. Мне даже казалось, что она и на свет появилась со спицами в руках. В общем, клубок со спицами был для меня своего рода спасательным кругом, ведь когда бабушка вязала – а этот процесс мог длиться часами – я мог спокойно распоряжаться своим временем, то есть абсолютно ничего не делать по хозяйству. Но это было чревато последствиями. Поскольку голодная скотина упрямо давала о себе знать, и зачастую это происходило ночью, когда подуставшая от любимого занятия бабушка собиралась было ложиться спать. В такие минуты я всегда просыпался от подзатыльника и мата-перемата, доносившегося из разъярённого горла бабули. Бабушка буквально за шкирку выкидывала меня на улицу, полусонного. И в таком вот состоянии я вынужден был исполнять работу по хозяйству. Найти способ отлынивать от этого и в мыслях не было. Иначе маме и папе пришлось бы навещать меня не у бабушки дома, а за деревней, на кладбище. Помню, последствия от моего раздолбайства ощущались ещё пару дней, поскольку весь режим скотного двора рушился. Приходилось потихонечку приучать животных к давно установленному графику приёма пищи.

Ну, в общем, в таком вот ключе обычно и происходило моё житие-бытие у бабушки. И той зимой было так же, казалось, ничто не предвещало каких-либо перемен. Зима. Мороз под двадцать. Помню, в тот самый день, который официально и является началом нашей истории, я как раз дал бабушке клубок со спицами и пошёл гулять на улицу. Надел толстенный тулуп, дабы не замёрзнуть. Выхожу. Вдыхаю. Ощущение такое, будто засунул нос в бочку с ментолом. Ведь мороз градусов двадцать, не меньше. Да-а, были раньше зимы, не то что сейчас. В общем, выхожу я, значит, холод жуткий, но возвращаться домой не спешу, видите ли, возомнил из себя эдакого русского мужичка, которому никакие морозы не страшны. Правда, спустя пять минут всё же не выстоял и сбежал-таки от мороза, но не в дом, а в хлев. Обойти вниманием красоту того дня, я считаю, нам с вами не стоит. Помню, у меня аж дыхание спёрло от того великолепия. Никогда впредь подобного наслаждения от созерцания природы не испытывал. Представьте: ясное голубое небо, ни облачка. Над крышей хлева выглядывает лучезарное солнышко, словно отличник, сидящий за партой. Его умная головка распространяет своё сияние на белоснежные дюны, покрытые тонкой коркой льда. Ветви деревьев, одетые в колючие свитера, переливаются радужными красками. Под ногами такой скрип, что аж невольно хочется смазать подошвы маслом…

Деда, а можно простыми словами?

Нельзя!.. Всё, не перебивайте меня, иначе быстро окажетесь в своей кровати. Я понятно объясняю?

Понятно.

Угу.

Ну смотрите у меня… Ладно, на чём я там остановился? Ах, да, под ногами так скрипело, что подошвы тянуло смазать маслом. И даже всегда ненавистный мною ветерок в тот день тоже, как и я, оказался поверженным перед этой красотой и потому не смел выглядывать из своего тайного укрытия. В общем, красиво было, нечего сказать.

Короче говоря, решил я тогда сбежать от капризов бабушки, из-за чего и оказался на улице. Думал, провожусь дотемна за лепкой снеговика. Да разве слепишь его в такую холодрыгу? Да даже если бы снег и позволял это сделать, проку бы не было никакого, потому что у меня руки бы окоченели и отвалились на таком морозе. Хочешь-не хочешь, но пришлось заняться домашним хозяйством, дабы не помереть со скуки. К тому же я и так уже ненароком забрёл в хлев. Да и желания нарушать распорядок рабочего дня у меня, к слову, нисколько не возникало. Ночные укутания, побои от бабушки… ничего хорошего это не приносило уж точно.

Итак, захожу я, значит, в закуту. Точнее в хлев. Он у бабушки был очень большой и разделён на несколько отсеков – в одном свиньи, в другом коровы и так далее. Для мелкой скотины были оборудованы загоны, а для крупной – стойла. Выходило так, что вся скотина жила в одном большом помещении. Дверь в хлев днём обычно была нараспашку, так что и птицы туда захаживали. Да и теплее там было гораздо, чем на улице. В хлеву у бабушки обитали коровы с телятами, лошадки, овцы, козы, свиньи и даже, как я уже рассказывал, кабанчики. Обхожу я их всех, значит, оглядываю, а все глаза меня прямо-таки пожирают, ожидают что я им сейчас сенца подкину аль ведра с мукой принесу. А я им в ответ лишь кукиш. Хоть я и шатался от скуки и понимал, чем мне грозит неисполнение сельскохозяйственных обязанностей, но работать всё равно не желал. Поэтому взял да и махнул на всё рукой. Пойду домой, на печи поваляюсь, подумал я. Успеется эта ненавистная кормёжка, пойка и навоз. День только начался.

Ну разворачиваюсь я, значит, к выходу, как вдруг слышу какой-то странный звук, доносящийся вроде как из отсека со свиньями. Замираю и вслушиваюсь. Свиньи визжат, а параллельно с этим какое-то странное бормотание доносится. Интересно мне стало. Начинаю потихоньку подкрадываться к свиньям, а бормотание всё отчётливей и отчётливей становится, даже будто какие-то слова различаются. Кто бы это мог быть? Останавливаюсь я, значит, перед загородкой, весь настороже, голову пригнул, дабы этот кто-то не увидал меня над загородкой. Я даже вилы с собой прихватил на всякий случай. Ну вот стою я там, ухо востро, и вдруг ясно слышу среди хрюканья:

– Ухххххххххь, холядина-тя кякая.

И по голосу прям чувствую, как этот кто-то весь дрожит.

Хоть и страшно мне было, но сбегать я не собирался. Беру, значит, вдыхаю полную грудь воздуха и начинаю осторожно приподниматься. Когда мои глаза оказались над загородкой, то я увидал следующую картину: здоровенная свинья и её пятеро маленьких поросят вьются вокруг какого-то пришельца, растирающего свои плечи соломой. Пришелец был похож на циклопа, потому что глаз у него был всего один, и смотрел этот глаз в ту минуту прямо на меня. Пришелец даже не пытался спрятаться при виде моего удивлённого лица. Со стороны ясно читалось, что сейчас его беспокоит исключительно холод. Хотя замечу, что в хлеве и не особо-то холодно было, ведь посудите сами: закрытое помещение, уйма животных, от которых исходит тёплое дыхание, и навоз, на пару́ которого можно спокойно сварганить какой-нибудь диетический деликатес, вот только найдутся ли желающие его есть?

Хм.

Однако на мне была куртка, из-за которой я, наверное, и не ёжился от холода, что нельзя сказать о пришельце, поскольку он был в одних шортах, сандалиях и с корсетом на пузе, как у Обеликса, вот только у пришельца он был железный. (Не понятно вообще, зачем он к свиньям попал, у овец явно было бы теплее да и чище.) Пришелец был маленький. Заходя вперёд, скажу, что ростом он не доходил мне и до пояса. А лет мне тогда было, между прочим, как и вам, не забывайте. На голове у него росли два странных рога, в которые была вдета курительная трубка. На лице росла коротенькая борода, нос был как у Волан-де-Морта, удлинённые уши свисали вниз, а рот походил на жабий. На руках и ногах пришельца имелось по три пальца, а почти всё тело было покрыто густыми чёрными волосками, ну прямо вылитый грузин.

– Ты кто? – спрашиваю я...

Дюклён!

Дюклён!

Так, а ну пошли отсюда.

Ну, деда!

Всё, я сказа-а-ал! ВО-О-ОН!

*** * ***

Наступила следующая ночь. В воздухе царила прежняя симфония храпа. Прикроватная лампа высвечивала деда, усердно читающего книгу, пока на постель не запрыгнули внук и внучка и не обложили старика с обеих сторон.

– Деда, расскажи нам про Дюклёна.

– Да, хочу про Дюклёна! – проголосил внук, колошматя деда по груди. На подмогу брату поспешила сестра.

– Нет, – произнёс дед с неумолимым выражением лица, кладя перевёрнутую книгу на живот, – у вас был шанс послушать эту историю, и вы оба его прое-е-е… – Дед и внуки озадаченно уставились друг на друга. – То есть я хотел сказать просра-а-а… – Дед задумчиво взялся за подбородок, после чего внуки принялись заново колошматить его по груди. – Так, ладно! Стоп! Уговорили! Всё!

Все стороны конфликта замерли, показательно держа руки навису.

– Хорошо, я расскажу вам историю про Дюклёна, но только при одном условии: ни при каких обстоятельствах вы не должны меня перебивать. Всю историю от начала до конца вы должны лежать тихо, без звука. Согласны с моим требованием?

Внук и внучка в ответ закивали.

– Не будете меня перебивать?

Две детские головушки завертелись в стороны.

Дед довольно улыбнулся.

– Ну ладно, так уж и быть, дам я вам ещё один шанс. – Дед швырнул книгу в стену и великодушно развёл руки в стороны, чтобы внуки угнездились у него под мышками. – Ну смотрите у меня… – Дед приятно вздохнул. – На чём я там остановился? – Больше минуты дед потратил на раздумья в тишине, пока не произнёс: – Ладно, сейчас можете сказать мне, на чём я тогда остановился, но только сейчас.

– Ты спросил Дюклёна: Кто ты?

– Да. Кто ты!

– Всё, спасибо. А теперь можете заткнуться.

Дед и внуки крепко прижались друг к дружке. Дед с улыбкой открыл рот и замер, недовольно повернув голову к храпящей на спине бабке. Он хотел было снова толкнуть её, но бабка – зараза – улеглась прямо на самый край, и дед не смог дотянуться до неё рукой. Потом он досадно взглянул в темноту, на брошенную где-то там книгу.

– Внученька, подай, пожалуйста, мне из тумбочки целлофановый пакет.

Внучка отлипла от деда, перевернулась к тумбе, выдвинула ящик.

– В нём лекарства, – сказала она, держа перед глазами пакет при помощи двух пальцев, как судмедэксперт.

– Высыпи их в ящик, – любезно попросил дед.

Послышался шум.

– Вот, – спустя несколько секунд сказала внучка, передавая деду целлофановый пакет.

– Умничка, – дед благодарно поцеловал внучку в макушку.

– А я? – проговорил внук, обиженно выпятив нижнюю губу.

– Ты тоже хочешь быть умничкой?

Внук кивнул.

– Хорошо, тогда возьми этот пакет и аккуратно надень его бабушке на голову.

Внук широко улыбнулся от такой простенькой задачки, вырвал пакет из дедовой руки и ринулся к бабушке.

– А ей ничего не будет? – спросил он, впритык разглядывая храпящее лицо бабули.

– Не волнуйся, с ней всё будет хорошо.

Послышалась возня. Его возня.

– Он не налазиет, – захныкал внук, безуспешно натягивая пакет на бабушкину голову.

– А ты сильнее потяни, – сказал дед, с переживанием наблюдая за действиями внука, словно за игрой любимой футбольной команды.

Внук изо всех сил взялся за пакет и потянул его к бурлящему рту, но пакет от этого только порвался, разрезанный пополам бабкиным носом.

Дед отчаянно махнул рукой по воздуху и цокнул. («Какой опасный момент!») Внук расстроенно повернулся к деду.

– Ничего… – печально проговорил дед, – ничего…

– Я не умничка? – спросил внук, готовясь вот-вот разреветься.

– Ммм… умничка, умничка! – бодро заявил дед и заставил внука слегка улыбнуться. – Вытолкни бабулю на пол и иди сюда.

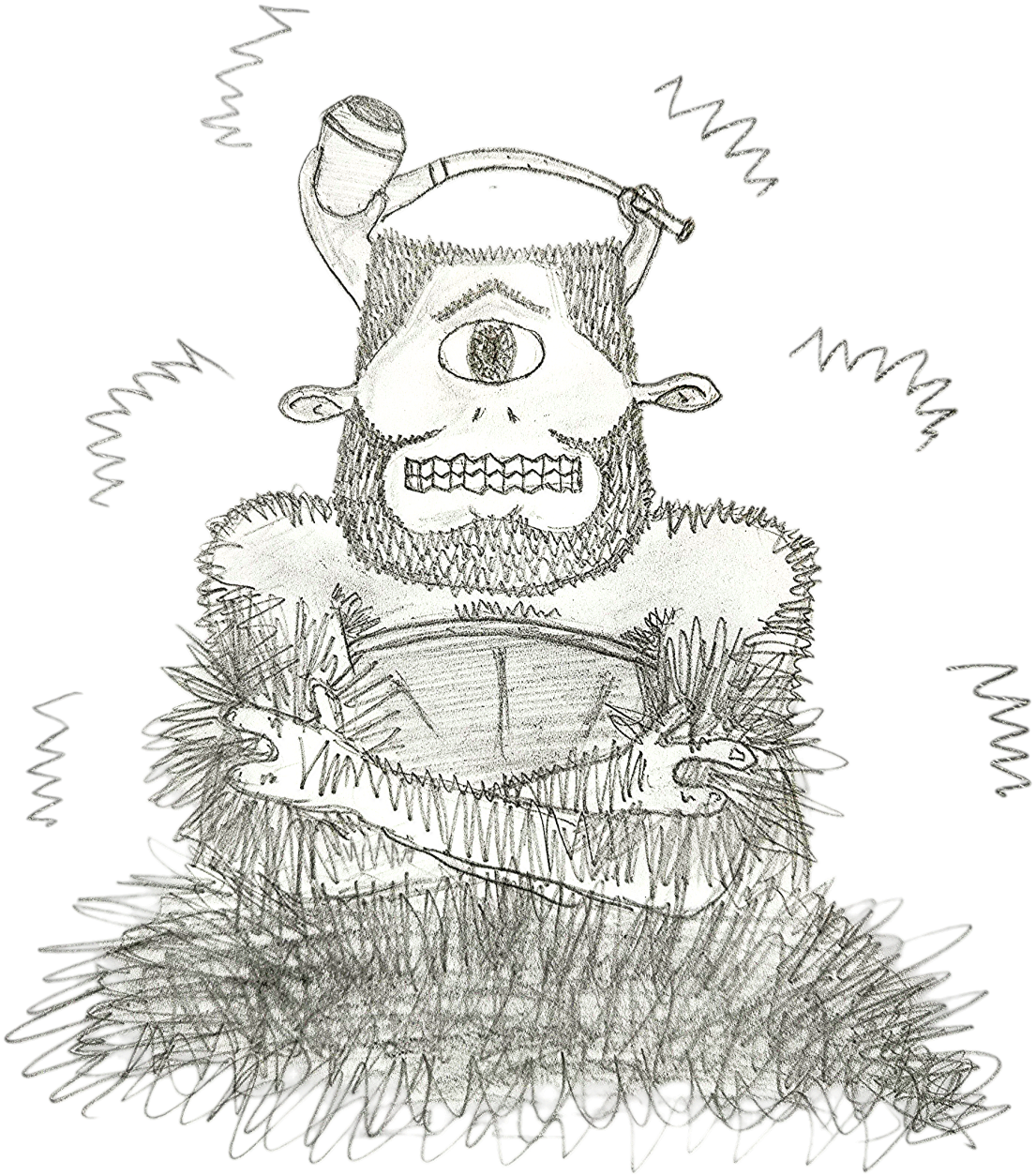
Внук весело столкнул бабку с кровати и в таком же настроении духа помчался к деду. Оркестр внезапно и на неустановленное время удалился на антракт.

– Умничка, – сказал дед и поцеловал внука в макушку. Все улеглись поудобнее. Дед сделал глубокий вдох. – Ну а теперь слушайте. Только молча!.. Представьте: хлев, всюду мычит, бекает и хрюкает скотина, кругом раскиданы сено и солома, а я стою и заглядываю в загон к свиньям и появившемуся там из ниоткуда странному одноглазому пришельцу…

* * *

– Ты кто? – спросил я, почему-то не испытывая никакого страха перед незнакомым существом. Уж больно он жалко выглядел, весь сжавшись от холода.

– Ухххххххххххххххххххь, – только и произнёс он, растирая плечи соломой, а поросята в этот момент кружили вокруг него, обнюхивая пятачками и пытаясь куснуть. Всё тело пришельца прямо-таки кричало об аномальном для него холоде: зубы, исполняющие чечётку, торчащие в стороны уши и вздыбившиеся вверх волосы.

– Эй! Ты меня слышишь?

– Холядно-тя как.

– Ты как сюда попал?.. Эй! Ты меня слышишь?

– Сего тебе? – недовольно буркнул пришелец в мою сторону. – Не видись, я страдяю.

Я и пришелец находились в трёх метрах друг от друга. Я стоял перед загородкой, а он сидел напротив, у самой стены, обложившись соломой.

– От чего ты страдаешь? – ухватился я за эту нить разговора.

– От холяда, от сего зе есё, дюбина!

– Сам ты дубина, понял? – озлился я, на секунду порываясь запрыгнуть в загон, как боец на ринг. Но не стал.

На минуту наш диалог оборвался, пока я снова не спросил:

– Ты кто такой?

Пришелец забубнил себе под нос:

– Будь проклят этят Мурдиклифф, сьтёб его. Насёл местя кудя сбезять. Паськудя.

– Сам ты паскуда! – сказал я и угрожающе приподнял вилы.

Не прекращая дрожать от холода, пришелец достал из-под соломы дубинку. Мы смотрели друг на друга с предосторожностью, но никто из нас не решался нанести первый удар. Вместо этого пришелец снял с рогов трубку и поднёс её ко рту.

– Мозет, тяк согреюсь, – сказал он и сделал затяжку.

Табак в чашке трубки покраснел и задымился. Вскоре пришелец выдохнул из себя огромное облако дыма.

– Эй, ты чего! Сейчас солому подожжёшь!

Пришелец в ответ лишь ехидно попыхивал трубкой. Свиньям запах табака был совсем неприятен и они завизжали, принялись носится по загону, то и дело задевая пришельца, отчего он вынужден был с недовольством отпихиваться от них.

– Брось курить!

– Снасяля убери их от меня! – заявил пришелец, с трудом отбиваясь от свиней.

Несколько секунд помявшись на месте, я наконец сообразил, что надо делать, и кинулся во двор. Я наскоро выложил в большое ведро кашу и залил её тёплой водой. У нас для этого специально был проведён кран из дома. Вернулся в хлев и вылил содержимое ведра в кормушку, располагавшуюся в левом углу, прямо у загородки. Свинья и поросята с хрюком кинулись к еде.

Пришелец теперь представал передо мной весь помятый и испачканный в навозе.

– Брось трубку! – сказал я ему.

Он посмотрел на меня, потом на смакующих поросят и в итоге, нехотя, но всё же вдел трубку обратно в рога, после чего та мигом прекратила испускать из себя дым.

Мы присматривались друг к другу.

– Ты кто?

В ответ молчание.

– Не бойся. Я тебе ничего не сделаю.

Пришелец усмехнулся:

– Хе, бояться? Тебя? Хе-хе.

– Тогда подойди поближе, если не боишься, – очень уж мне был интересен этот пришелец.

– Тям эти сюдовися, не будю я к тебе подходить, – намекая на свиней.

После этого я снова покинул хлев, помчался к скирду с соломой, надёргал крюком большую охапку и, взяв её, вернулся в хлев. Подошёл к загону со свиньями и сложил солому перед загородкой, но уже в правом углу, в стороне от обедающих свиней.

– Залезай сюда. У тебя солома уже вся испачкана.

Пришелец оглянулся вокруг, осмотрел себя, понюхал и, сморщив лицо, осторожно – с дубинкой – принялся красться в мою сторону. Он вскарабкался на соломенную кучу и тупо уставился на меня, глядя снизу вверх, почти лицом к лицу.

– Ты кто?

– Мне нузьня тьвоя одезьда, – сказал пришелец.

– Ещё чего. Размечтался. Не дорос ещё.

И я тут же получил дубинкой по голове. Удар был не сильным, но внезапным, и я повалился на пол. Сидел на пятой точке, обдумывая случившееся. А когда пришёл в себя, то мигом вскочил и взялся за вилы.

– Да я тебя!

И снова удар. И снова я оказался на полу.

– Хе-хе.

Я поднялся и резко схватил пришельца за рога. Между нами завязалась борьба через барьер. Пришелец стучал меня дубинкой, а я, схватив его за рога – трубка свалилась – бил его о загородку. Пришелец рьяно вырывался от меня. Не знаю, сколько это продолжалось, но

помню, что в конце я схватил пришельца за стальной корсет и швырнул к стене, отчего он упал на своё грязное насиженное место.

Мы оба задыхались. Кровь постепенно отливала от покрасневших лиц. Когда я сумел-таки успокоиться, то заметил, что у меня в руке лежит необычный медальон. Он изображал собою окружность с помещённой внутри неё буквой Д.

– Это что такое? – произнёс я, любуясь находкой.

– Отдяй! – вскричал пришелец и вмиг оказался прямо передо мной.

– Ага! Не! – победно вскричал я, спрятав руку с медальоном за спину.

– Отдяй мой медальон!

– Не-а. Что упало, то пропало.

– Он не падаль, ты сям его вытасиль изь моих сорт.

– А ты докажи, – сказал я и, отойдя на безопасное расстояние, принялся заново осматривать медальон. Он очень походил на золотой, отчего я даже попробовал его на зуб.

– А ню отдяй!

Но это ничего мне не дало, поскольку ранее я никогда не кусал золото. По бокам от буквы Д располагались две извивающиеся линии, а в центральном пространстве буквы имелись прямые широкие полосы, соединённые меж собой тоненькими нитями.

– Это что за медальон? Он золотой?

– Ну золотёй, дальсе сьтё.

– А откуда он у тебя? И вообще! – произнёс я, широко раскрыв глаза. – Ты кто вообще такой? И что ты тут делаешь?

Вскарабкавшийся на загородку пришелец устало выдохнул.

– Без тябака туть не обойтись.

Он на секунду пропал из виду, после чего снова возник, попыхивая трубкой.

– Эй, не кури! Тут везде солома.

– Не боись. Этя волсебная трюбка. Тябак из неё выскосит тёлько тогдя, когдя я сям его вибью.

В доказательство этому пришелец перевернул трубку и наглядно продемонстрировал, что табак прочно сидит внутри неё.

– Поняль? А теперь отдяй медальон.

– Сначала скажи, кто ты такой.

– А если не сказю?

– Тогда медальон не получишь.

Пришелец устало вздохнул, после чего совершил глубочайшую затяжку и в секунду окутал меня всего дымом. Я закашлялся в этом густом тумане. Когда видимость вновь восстановилась, я услышал:

– Дюклён!

Пришелец стоял, с гордым видом демонстрируя над загородкой свою верхнюю часть туловища. Его взгляд был устремлён в заоблачную даль, в правой руке дымилась трубка, левая удерживалась за край загородки. Пришелец походил собою на эдакую скульптуру, изваянную в честь какого-то героя.

Я не понял, что он имел ввиду, воскликнув то странное слово.

– Что «Дюклён»? – спросил я пришельца.

Пришелец не изменил своей высокомерной позы.

– Я! – выкрикнул он, продолжая смотреть на меня почти в профиль. – Дюклён – это я!

Вот так я и узнал, что пришельца зовут Дюклён.

В скором времени я уже недоумённо наблюдал, как Дюклён взглянул на медальон в своей руке, а затем спрятал его в карман шорт. Мои руки были пусты.

– Эй, ты когда успел?

Дюклён усмехнулся и снова окутал меня табачным дымом, внутри которого я ощутил лёгкий удар по щеке, будто ладошкой.

– Хе-хе!

Когда туман, а если быть точнее смог, рассеялся, я увидел Дюклёна, по-прежнему возвышавшегося над загородкой как ни в чём не бывало.

Я нисколечко не разозлился на его шутку и с любопытством подошёл к нему. Принюхался.

– Ну от тебя и воняет.

– А ти не нюхай, – сказал Дюклён и усмехнулся. Запыхтел трубкой.

– Хватит курить.

– Мне надя согреться, воть я и курю. (Пых-пых.) Будесь?

Признаюсь, мне хотелось попробовать – почувствовать себя взрослым – но всё же я отказался.

– Ты кто такой?

Дюклён снова было собрался занять величественную позу и издать клик, но я его перебил:

– Я понял, что тебя зовут Дюклён, но кто ты вообще такой? И откуда здесь?

Дюклён совершил несколько коротеньких затяжек с причмокиванием, которые иногда издают кошки, моя свою шерсть, после чего заговорил:

– Я прибыль сюда из сьвоего прекрасняго мира.

Да, Дюклён говорил, мягко говоря, забавно. Будто китаец или японец, выучивший русский язык. Но я довольно хорошо всё понимал.

– Какого такого мира?

– Прекрасняго.

– Угу… А зачем?

– Засем? – переспросил Дюклён и задумчиво запыхтел. – И вправдю, засем...

Я отобрал у него трубку.

– Ха, получил? Теперь ты у меня уже точно ничего не отберёшь. Выкладывай, что ты здесь делаешь? И зачем тебе твой золотой медальон?

– Ладня, дявай заклюсим сделку: я тебе рассказиваю сьтё дя как, а ти мне возврасяесь трюбку и отдаёсь сьвою одезьду. По рюкам?

Я серьёзно принялся размышлять над этим предложением.

– Ммм, ладно. Но одежду я тебе свою отдавать не буду. Другую какую-нибудь найду.

– Ммм, ляды, – ответил Дюклён и протянул мне свою крохотную трёхпалую ладонь.

Я упрятал левую руку с трубкой за спину, а правую поднёс к Дюклёну, после чего наши ладони затормошились в рукопожатии.

– Спрасивай.

– Что?

– Сьтё хосесь. Тёлько дявай побистрее, а тё я замёрзню дё смерти.

– Ммм, ладно, хорошо. Э-э… Как ты сюда попал?

– Слусяйня, – с усталым равнодушием проговорил Дюклён, словно я уже далеко не первый интервьюер в его жизни. – Я и сям не радь здесь бить. Дюмаесь, я месьтал оказяться здесь посреди этих сюдовись? – и Дюклён обвёл своим громадным глазом весь хлев.

– А чего ты вообще у свиней сидишь? Вон, пошёл бы к овцам, у них теплее, да и чище.

– Я снасяля подюмаль, сьтё этя, – кивая на хрюшек, – сизелоиди, вот и посёль к ним.

Свинья с поросятами за это время уже отобедали и даже успели разворошить принесённую мною охапку соломы. Сейчас они лежали напротив нас, у стены, и отдыхали, сонно смыкая веки.

– Сизелоиди?

– Угю.

– А это кто такие?

– Этя я и мне подёбные. Как ти селявек, тяк я сизелоид.

– Впервые слышу.

– Онё и понятно. Ведь ми зивём в соверсенно дрюгом мире. Ня соверсенно дрюгой планете, если этя дазе мозня назьвать планетяй.

Мои брови недоверчиво опустились на глаза.

– И как ты тогда здесь оказался?

– Из-зя него, – тут Дюклён продемонстрировал мне свой медальон.

Я заметил, что две извивающиеся линии в медальоне успели пропасть.

– Эй, это другой медальон! В том по бокам были две линии, как змейки.

– Эхь, – произнёс Дюклён и изможденно провёл ладонью по лицу. Теперь он уже не дрожал от холода. – Этя дольгая история и оня тебе ни к сему. В обсем, этя тоть зе сямый медальон, а те две змейки убезяли, сьтё ознасяет: нася с тябой история насялась. Нась квест. И от тяго, как онь заверсится, и будеть зявисеть сюдьба васего нёвого селявека. Будеть ли онь хоросим али пляхим.

– Я ничего не понял.

– Тяк я тебе и гяворю, не обрасяй внимания.

– А что за квест?

Снова тяжкое вздыхание.

– Ти долзень помось мне найти моего сбезявсего дрякона.

– Дракона?!

– Угю.

– У тебя есть дракон?

– Угю.

– И зачем он тебе?

– Я на нём летяю.

– Драконов не существует.

– У вась, людей, мозет, и не сусествует, а вот у нась есё как сусествует. Если тяк, тё, повасему, и меня сусествовать не долзнё. Но ти зе меня видись?

Моя голова всецело была занята мыслями о драконе. Я всегда представлял их большими и свирепыми, с огнём из пасти. И мне, мягко говоря, было немножко страшновато от мысли, что я должен помочь найти одного из них.

– И что, твой дракон сбежал?

– Угю, онь долзен бить где-тя в этям районе.

– И как он у тебя сбежал?

– Мурдикилифф воспользовался…

– Мурдиклифф?

– Угю, этя его тяк зявут. Покя я спаль, онь воспользовался этим моментям, насептал в мой медальон зяклинание и сбезаль в вась поганий мир. Я еле успел зя ним, покя порталь есё не закрылся.

– Портал?

– Угю.

– А что ты обратно тогда не вернулся, если медальон у тебя?

– Тяк ведь онь одноразивий. Мозьня тёлько одинь разь им воспользоваться. Один разь попасть к вам, а потём обратня к ням. После сего от медальоня никякого тольку.

– Ну так воспользуйся им.

– А Мурдиклифф? Как я его здесь остявлю? Онь зе опасен! Если я его совсем скоря не найдю, тё онь снасяля созрёт всех васих косек, а потём примется и зя людей!

Меня не на шутку напугал такой расклад. Ведь я был человеком и при том ещё совсем юным. Я ведь и пожить-то толком не успел!

– Паськудя, – недовольно пробурчал Дюклён себе под нос. – Насёл кудя сбезать… Я зе туть умрю от холёда, а в нявозе меня похоронят.

– А что ты в дом-то не зашёл?

– Ти совсем, сьтё ли? Меня никтё не долзен видеть!

– Ну я же тебя вижу. И всё нормально.

– Тяк ти зе ребёнок. Ти меня не боисся. А вот взрослие тут зе испугаются и зяхотят оть меня избавиться. Создадуть панику. После сего меня поймають, полозят в кякую-нибудь «лесебнису» и будют пытать. Выяснять, где няходится мой прекрасний мир и есть ли тям сем позивиться.

Эти слова Дюклёна мне показались весьма правдоподобными. Если бы его действительно встретил кто-либо из взрослых, то наверняка всё так и произошло бы. Хотя, будь на месте взрослого моя бабушка, то она, скорее всего, сочла бы Дюклёна новым видом скотинки и построила бы для него особый загон.

Помяни чёрта, и он явится.

Дверь в хлев открылась, и в проёме возникла толстая невысокая фигура в ста юбках до пят.

– А-а-а! Внучочек, вот ты где! – воскликнула бабушка и зашагала в мою сторону.

Дюклён мигом соскочил обратно к свиньям.

– Я вот тут вязала и вспомнила, что хорошо было бы, если бы ты свинок покормил и соломки им постелил.

– Так я всё сделал! – заявил я с лучезарной улыбкой на лице.

– Что, всё?

– Накормил и постелил!

Бабушка изобразила на лице изумление и направила сощурившиеся глаза в загон к свиньям.

– Ай, молодец какой! Ай, умница ты моя! Храни тебя Господь, внучочек, – говорила она, окунув свою руку к пробудившимся свиньям, явно их поглаживая. – Хлопчик мой необузданный. Петушок красноголо… Ай! а это кто?

Тут бабушка вытащила за шкирку Дюклёна. Одной рукой она держала его навису, а второй рукой трогала его за волосатые плечи, руки и грудь, щурясь на него при этом как самый чистокровный китаец.

– Ты зачем, оболтус, кабанчика к свиньям подложил, а? – накинулась на меня бабушка и, не заботясь о «кабанчике», швырнула его точнёхонько в соседний загон, где обитала кабаниха со своими детёнышами. Послышался визг.

Бабушка грозно шагнула ко мне и ухватила за ухо.

– Ах ты глиста недоразвитая! Сорняк огородный, – бабушка внезапно принялась меня обнюхивать. – Ты что, курил?

– Э-э-э… – я направил озадаченный взгляд в сторону загона, где обитала кабаниха с кабанятами, и заметил меж досок, из коих была сбита загородка, большой глаз Дюклёна. Затем я вспомнил о трубке, которая лежала у меня в кармане куртки.

– Ну ладно, ладно. Прощаю. Ты сегодня молодец, – резко переменилась бабушка и отпустила моё ухо. – Сам хрюшек накормил, сам соломки им постелил. Молодец, ай, молодец.

Мне всегда было тяжело понять бабушку. Никогда нельзя было предвидеть, когда она будет тебя хвалить, а когда бранить. Она была сама непредсказуемость.

– За это я тебе пирожков напеку, хочешь?

– Угу! – обрадовался я, поскольку любил её пирожки.

– Тебе с чем? Просто али с вареньем?

Бабушкино лицо с сощурившимися глазами почти касалось моего лица.

– И то, и то.

– Хорошо, внучочек. Будет тебе и то, и то… – бабушка вдруг замерла с осенённым лицом. – А может, тебе ещё и с мясом пирожки сделать?

– Угу!

– Кабанчика того как раз заколем, а?

Кабаниха с кабанятами после этого шумно забегали по своему загону.

– Э-э, не! не надо, бабушка! не хочу я с мясом! Сладкие хочу.

– Ну ладно, ладно, как скажешь. Будут тебе сладкие.

И с гордостью оглядев свой хлев, бабушка неспешно удалилась на улицу.

Я направился к загону с кабанами.

– Ты живой?

Дюклён стал ещё более испачканным в навозе, нежели ранее, и вновь по его телу стала пробегать заметная дрожь, но теперь, мне казалось, это не было связано с холодом.

Дюклён вскарабкался на загородку, настороженно устремил глаз в сторону двери и выдохнул.

– Спасибо, сьтё вырусиль.

– А? А, ты про бабушку? Да я если честно, не из-за тебя всё это. Просто в таком случае тебя разделывать пришлось бы мне, а не бабушке.

Дюклён направил на меня свирепый взгляд.

– Зиво неси одезьду!

– Эй, ты мне ещё не всё рассказал!

– Я тебе всё рассказял!

– Нет, не всё!

– А сьтё тогдя?

– Э-э… не знаю… например… почему ты одет не по погоде? а? Оделся бы тепло и не пришлось бы тогда одежду выпрашивать.

– Откудя я зналь, сьтё у вась здесь зима?!

– А у вас там сейчас что, лето?

– Конесьня! У нась круглий годь летя!

– Да ты врёшь!

– Я никогдя не врю! В моём прерасням мире всегдя теплё! Тям солнсе, море, пляз! Вот поэтяму-тя я и оказался здесь воть в этям.

И Дюклён обвёл всего себя руками, мол, смотри какой я, ни куртки, ни шапки, ни штанов. Один навоз с примесью соломы.

– Всё равно как-то не верится, – сказал я Дюклёну.

– А ну зиво таси мне одезьду!

– Ладно, ладно, – сдался я, – принесу я тебе твою одежду… – и развернулся к выходу. – Если найду.

– Тёлько попрёбуй не найти, – сказал мне Дюклён. – И смотри, сьтёби одезьда биля тёплая и удёбная, а тё… – и Дюклён пригрозил мне пустым кулаком, поскольку дубинка его лежала у свиней.

На меня, конечно же, его запугивание совсем не подействовало.

– Ладно, я пошёл, – сказал я, уже держась за ручку двери.

Как только я оказался на улице, на мои руки и лицо тут же накинулся мороз с тысячами невидимых иголок. Но я не стал трусливо спешить в дом за одёжкой для Дюклёна, вместо этого я решил позаботиться о его гигиене, и потому взял во дворе большое ведро, которое на самом деле было отрезанным почти пополам бидоном, налил в него тёплой воды и проковылял с этим добром обратно в хлев. Поставил ведро перед загоном с кабанихой.

– На, помойся, пока я тебе одежду буду искать, – обратился я к высунувшемуся над загородкой Дюклёну.

– Я сьтё, в тякой холяд есё и мыться долзен?

– Да от тебя за километр несёт. И вылези ты уже от кабанов. Что, другого места, что ли, нет?

– Я с ними, кажется, подрузился, – радостно ответил Дюклён и в прыжке оседлал кабаниху.

Я развернулся и двинулся к двери, оставив Дюклёна забавляться своим родео. По дороге я внезапно остановился, вспомнив о курительной трубке, хранящейся в кармане куртки. Подобру-поздорову – ведь в доме я легко мог повстречаться с бабулей – я извлёк трубку из кармана и, вернувшись к загону с кабанами, повесил трубку на верх загородки. Дюклён продолжал носиться по загону как лихорадочный.

Я вновь оказался на улице. Ноги вели меня прямиком в дом. Дело вроде пустяковое, думал я, насчёт того, как мне достать для Дюклёна одёжку. У бабушки, по-любому, хранятся кучи всякого тряпья.

Войдя в дом, я тут же учуял божественный аромат горячей выпечки. Я украдкой заглянул на кухню, где, не замечая меня, бабушка вытаскивала гигантский противень с пирожками. Я чуть слюной не захлебнулся, глядя на это диво, но в кухню входить не стал, а то ведь ещё чего бабушка могла заставить меня ей помогать. Пришлось незаметно прошмыгнуть в зал.

Затем я двинулся в свою комнату. Открыл шкаф, который был под завязку забит исключительно шерстяной одеждой, связанной бабушкиными руками. Там имелись свитера, штаны, шапки, носки и даже трусы. Но всё это было слишком велико для Дюклёна. Не успел я отчаяться в своих начинаниях, как вспомнил, что бабушка хранит у себя в шкафу связанные комбинезоны, которые она дарила мне каждый год на день рождения.

Я осторожно вернулся в зал. Прислушался. Бабушка продолжала возиться на кухне. Быстренько юркнул в её спальню. Остановился перед шкафом. Распахнул две двери. Ага! вот они! Каждый комбинезончик аккуратненько висел на плечиках в строгом порядке возрастания. Слева был самый маленький, а где-то десятый по счёту комбинезончик замыкал сей ряд. Вот этот-то комбинезон бабушка и подарила мне на тогдашний Новый год, в первый же день моей ссылки сюда. На груди комбинезона красовалось моё имя, а под ним большая морда оленя. С немалым удивлением я обнаружил, что отдельно, в самом конце, висели ещё два шерстяных комбинезона с капюшонами. Один, что поменьше, был розового цвета, а что побольше – синего, и, судя по их размерам, они явно предназначались для взрослых людей. Подойдя ближе, я углядел на груди этих комбинезонов два имени – женское и мужское – и надо же, они как раз совпадали с именами моих родителей! Но как же сестрёнка? Ха-ха! Не успел я толком позлорадствовать над ней, представляя, как я и родители будем счастливо сидеть за обеденным столом при шерстяном параде, а сестрёнка как белая ворона в своём засратом платьице, как на мою голову с верхней полки свалилась целая куча тряпья, помеченная именем младшей сестры. Немного потоптавшись на этой куче, я собрал её в руки и закинул обратно наверх. Во время этой процедуры я, кажется, случайно, порвал несколько платьиц. Но не суть, у меня не было тогда времени беспокоиться насчёт бабушкиных подарков сестре. Надо было думать о Дюклёне. Ведь у нас был договор. А если я что-то пообещал, то обязательно делаю.

В общем, я сразу же стал прикидывать, какой комбинезон подойдёт Дюклёну лучше всего. Какой был рост у Дюклёна? Мне он не доходил и до пояса. И потому я снял первый комбинезон, который бабушка связала в честь моего появления на свет, опустил его к полу и поразился. Лучше не бывает! Только вот почему розовый? Загадка.

Я не стал больше морочить себе голову посторонними вещами. Быстренько спрятал комбинезон под куртку, закрыл шкаф, выскочил из бабушкиной спальни, на цыпочках прошёл зал, остановился перед входом на кухню и невольно втянул в себя весь тамошний аромат, чудом не

сумевший заставить меня войти в кухню. Я-то устоял, но вот желудок – он в любую секунду готов был разразиться громом и молниями. Надо было спешить, чтобы бабушка меня не заметила. Прежде чем с наскоку оседлать входную дверь, я в качестве предосторожности заглянул на кухню – бабушка уже вовсю корпела над пряничными человечками и зверушками – после чего в два шага добрался до двери. Я еле спасся, скажу я вам так. Поскольку, как только дверь позади меня закрылась, в моём животе произошёл такой взрыв, что ещё целую минуту я вынужден был приходить в себя. По дороге в хлев, я с ужасом поглядывал на свою куртку, предвосхищая на ней огромное кровавое пятно в области живота. Казалось, будто все кишки вылезли наружу. Войдя в хлев, я дрожащими руками расстегнул куртку и чуть не умер, увидев, как на пол падает окровавленный комбинезон. Задыхаясь, я принялся трогать свой живот, но, как бы ни было тяжело в это поверить, с ним всё оказалось в порядке. Затем я подобрал с пола комбинезон и с нездоровым смешком обнаружил, что он абсолютно сух и его розовая расцветка не имеет на себе ни единого пятнышка крови. Я чувствовал себя идиотом, хотя и продолжал ощущать некий дискомфорт в животе. Но оставим это позади.

Когда мой разум наконец-таки пришёл в себя, я смог спокойно оценить обстановку внутри хлева. И первое, что мне тут же попалось на глаза – точнее не первое, а первый, и не что, а кто – так это Дюклён. Он балдёжно полёживал в ведре с тёплой водой и попыхивал трубкой.

– Кя-я-я-яйф, – услышал я, приблизившись вплотную к Дюклёну, и заметил, как на поверхности воды образовались пузыри. – О, здярово. Сьтё присёл? – сказал Дюклён и как бы невзначай выпустил в моё лицо буржуазное колечко дыма. – Дя, кстати, ти не в курсе, сьтё этя тям на улисе бабахнуля тяк недявно, а? Я узе дюмаль безять отсюда подябру-поздярову.

– А что не убежал тогда? – сердито сказал я Дюклёну. Уж очень неприятно мне было сознаваться, что причиной взрыва оказался мой желудок, а тем более рассказывать это тому, кто с кичливым видом посиживает в джакузи и особо не смотрит на собеседника, когда разговаривает с ним.

– Ладня, – сказал Дюклён и нацелил свой глаз прямиком на меня. – Ну сьтё, принёс?

– На, держи, – и я продемонстрировал Дюклёну модняво-розовый вязаный комбинезончик с капюшоном. – Тёплый и удобный.

Дюклён посмотрел на меня с негодованием.

– Не смесьно, – проговорил Дюклён и, отвернувшись от меня, как будто я пустое место, принялся за трубку. Пых-пых… Пых-пых… – Сейсяс ти у меня сям этя наденесь.

– Ну, хочешь как хочешь. Под твой размер всё равно ничего другого не найдётся.

Дюклён изо всех сил старался демонстрировать самообладание, но это длилось не больше минуты. В конечном итоге он нервно заёрзал в ведре и перевернулся вместе с ним на пол.

– Сёрт!

Я тут же спрятал глаза под ладонями, дабы оградить себя от психологической травмы, связанной с предполагаемой наготой Дюклёна, хотя, как потом вспомнил, стальной корсет на нём всё же был во время ванных процедур.

– Холядрига-тя кякая, – услышал я от него. – Неси мне нормальную одезьду!

– Вот! – прокричал я, слепо вытянув комбинезон вперёд.

Дюклён яростно заворчал. В следующий миг я почувствовал, как моя рука опустела.

Долго же он там кряхтел, скажу я вам. Устав прятать взгляд, я всё же рискнул посмотреть на Дюклёна. Он стоял и с большущим трудом пытался застегнуть пуговицы на пузе. Мне стало смешно от этой картины.

– Ты свой корсет хотя бы сними.

– Без корсета я вообсе в него не влезу.

Я подошёл к Дюклёну и кое-как, но сумел-таки обуздать все пуговицы. Кроме одной, которая, и секунды не выдержав давления, стрельнула так, что выбила зуб у бабушкиной лошади, наблюдающей за нами в тот момент из своего стойла. Её улыбка после случившегося очень походила на улыбку Александра Овечкина. Засим оставалось натянуть капюшон на голову Дюклёна. Но на пути встала преграда под названием рога. Я осмелился посягнуть на бабушкино творение и, проделав в капюшоне две дырочки, сумел-таки облачить голову Дюклёна в этот замечательный убор.

Ну разве не мило?

– Сё рзёс?

Ну как от этого было не засмеяться? Одноглазый бородатый циклоп в детском розовом комбинезончике!

Тут дверь хлева неожиданно заскрипела, означая приход нежданного гостя. Я ещё ничего толком не успел сообразить, а уже увидел, как Дюклён вмиг сиганул в загон к кабанам, а те приветливо захрюкали ему.

– А, внучок! Ты здесь? Слава тебе Господи, – с тревогой проговорила бабушка, приближаясь ко мне. Она ни с того ни с сего крепко сжала меня в объятиях. – С тобой всё в порядке? Тебя осколками не задело?

– Какими осколками? – спросил я её, недоумевая.

– Не знаю, от бомбы, наверное. А ты разве не слыхал? Минут пять назад так прогремело, аж стёкла на кухне затряслись. – Тут я сообразил, что имела в виду бабуля, и немного разозлился из-за этого.

– Не, ба, не слышал.

Бабуля, видать, ещё не отошла от шока и потому продолжала:

– Меня чуть кондратий не хватил. Я мигом под стол спряталась. Пересидела там какое-то время, потом сообразила, что безопасней в погребе будет спрятаться. Сижу я там, значит, какое-то время, от страха трясусь, а потом мысля в мою голову – бам! Чего-то не хватает. Оглядываюсь, смотрю, точно! Мурзик дома спит! Я уже было собралась кинуться в дом, за Мурзиком нашим, как вдруг опять мысля: окромя Мурзика ведь ещё кто-то есть… важнее… – Бабушка замолчала, трогательно глядя на меня. – Вот тогда-то я про тебя и вспомнила. – Бабушка снова крепко обняла меня. Я еле смог вырваться из её хватки. – Ты как? Жив, здоров?

– Всё хорошо, бабуль. Иди домой, а то у тебя пирожки там подгорят.

– А! точно! Пирожки! Они ведь уже готовы, внучок. Тебя ждут, стынут на столе. Я-то как раз прямо перед бомбёжкой пряники глазурью украшала.

– Хорошо, бабуль, я потом их поем, а сейчас я… занят немного, – я всеми силами пытался спровадить бабушку в дом, а то, не дай бог, она снова заметит Дюклёна.

– И чем же ты тут занят, интересно? – спросила бабушка, с улыбкой оглядывая хлев.

– Да вот, э-э… – мой взгляд остановился на ведре, а затем на загородке, за которой похрюкивали кабанята, после чего мозг без особого труда соединил всё это в одну картину, – кабанят только что покормил.

– Ай, ты моя умница, – сказала бабушка и устремилась к загону.

– Ба, да нечего там смотреть! – воскликнул я, ухватив бабушку за одну из сотен юбок, но бабушка без особого труда потащила меня за собой.

– Вы мои хорошие, – с сюсюканьем приговаривала бабуля, смотря на своих питомцев. – Сытые, довольные… – Бабушка окунула внутрь руку и принялась с любовью поглаживать кабанят или кабаниху. Я, если честно, заглядывать туда не осмеливался. Я стоял в шаге от загородки, жмурясь в преддверие чего-то нехорошего. – Ну, внучок, ты меня сегодня просто поражаешь. Я тебя даже не узнаю… А это кто у нас такой хорошенький? – обратилась бабушка к обитателям загона. – А ну иди сюда, баба тебя почешет. Иди, иди… Ай, ты мой хороший, ай, пузатенький ты мой, пу-у-у-шис-тень-кий-ты-мой… – тут бабушка замерла, явно нащупав рукой что-то необычное, после чего выпалила: – Рогатый!

Бабушка резко вскинула вверх руку, удерживая напуганного Дюклёна за рога. Затем посмотрела на меня и, не глядя, швырнула Дюклёна точнёхонько в загон к овцам. Послышалось испуганное блеяние.

– Ты зачем, дубина, барашка к кабанам подсунул, а? А?!! Ты думаешь, это смешно, да? ДА??!

Бабушка свирепо надвигалась в мою сторону. Я пятился назад, пока в конце концов не оказался загнанным в тупик. От страха перед бабушкой я что есть силы вжимал свой профиль в стену позади меня. Лицо истекало потом, глаза зажмурены. Кровожадная морда бабули всё постепенно и постепенно приближалось ко мне, чтобы с оскалом остановиться в миллиметрах от моего уха. Я чувствовал себя так, будто меня обнюхивает ксеноморф.

– Ды, ды, ды… – бубнил я от страха, – ды я это не специально, бабуль! Просто я зашёл кабанов покормить, смотрю, баран гуляет тут, ну а я за ним, кое-как успел дверь закрыть, а то бы он на улицу убежал, а потом он взял и сам запрыгнул к кабанам. Я его как раз собирался ловить там, пока ты не пришла!

Я умолк, извлекая изо рта частую отдышку.

– Ты моя головушка. – Я ощутил заботливый поцелуй на своём виске и наконец осмелился взглянуть опасности в лицо. – Золотой ребёнок. Как бы мы с тобой потом поймали этого барашка, если бы он на улицу-то убежал, а? Уберёг Господь нас от этой напасти. – Бабушка наконец-то отстранилась от меня. – А как барашек выбрался из загона, интересно? – задала бабушка вопрос в воздух. – Может, кто-то калитку не закрыл, а?!

Я снова ощутил весь старческий гнев у своего лица. Правда, ненадолго, через секунду от гнева не осталось и следа.

– Молодец, внучочек, ангел мой подзаборный, мвуа! – Бабушка меня поцеловала, а потом рьяно задвигала носом. – Ты что, курил?

Я не знал, что ответить, единственное на что меня хватило – это бросить сердитый взгляд в сторону загона с овцами. Но бабушка тут же забыла про эту тему:

– Ладно, внучок, пошли домой, а то пирожки остынут, – бабушка взяла меня за руку и поволокла к выходу.

– Нет, нет, бабуль! – сказал я, остановив бабушку. – Мне ещё рано. Я ещё лошадей не покормил, коров, птиц.

Бабушка пристально всматривалась в мои глаза, пока не прослезилась. Она задрала юбку и принялась утирать своё лицо. Я благодарил провидение за то, что бабуля носила несколько юбок сразу.

– Ба, что с тобой?

– Да так… ничего, – говорила бабушка, хныкая. – Просто ты сегодня такой молодец… Раньше ведь распи##яй распи##яем был, а сейчас… Даже стыдно признаваться, но давеча я Богу молилась, чтобы твои мама и папа передумали тебя ко мне отправлять... А оно вон как вышло.

Скажу честно, меня весьма тронули искренняя речь и слёзы бабули. Я не удержался и даже заботливо положил ладонь ей на плечо. В другой день, при иных обстоятельствах, я бы обязательно пошёл с бабушкой домой и вместе с ней сел за стол, улепётывая один пирожок за другим, но в данную минуту у меня были кое-какие обязательства перед Дюклёном. Ведь необходимо было помочь ему найти его дракона. И потому я сказал бабуле:

– Ба, иди домой, отдохни. А я попозже приду. Дела доделаю.

И я тихонько повёл бабушку к выходу.

– Хорошо, мой золотой, как скажешь. – Бабушка смиренно шла со мной под руку, с каждым шагом стирая со своего лица улики сентиментальности. Перед дверью она остановилась и обратилась ко мне: – А может, внучок, тебе ещё чего-нибудь приготовить, ммм?

– Не надо, ба, – ответил я, взявшись за ручку двери.

– А давай того жирного барашка заколем, а? – сказала бабушка с выражением лица, напомнившим мне Юрия Никулина в роли Балбеса.

– Да не надо, ба, – сказал я и распахнул дверь в мороз.

Я словно находился в самолёте, перед его открытым люком, готовясь совершить прыжок с парашютом. Морозный ветер со всей яростью стремился выдуть из моих ушей мозги. Я очень сильно возжелал закрыть эту дверь, но перед этим необходимо было спровадить бабулю. Я не стерпел и буквально толкнул её в проём.

– Хочешь, я его баранью голову в печке зажарю? – произнесла бабушка, поворачиваясь ко мне, когда её ноги уже ступили на улицу.

Моя голова в ответ рьяно замоталась в стороны, а руки спешно принялись закрывать дверь.

– А хочешь…

Дальше я не слышал. Я в бессилии развернулся и сполз спиной по двери. Такое чувство было, будто ящик Пандоры закрыл. Не знаю, показалось мне это или нет, но мороз словно ещё сильнее стал за последний час. Причём градусов так на пятьдесят.

Но недолго я просидел так у двери, через минуту я уже встал и двинулся к загону с овцами. Остановился у загородки и заглянул внутрь. Дюклён трусливо прятался, обложившись со всех сторон пушистыми ягнятами. Лишь глаз его выглядывал из-под них.

– Ведьма усля?

– Да, ушла, – сказал я и усмехнулся.

Дюклён резко вскочил на загородку.

– Тяк! надя скорее смативаться отсюда, – сказал Дюклён. – Моя зизнь здесь в опасности! Будь проклят этят Мурдиклифф!

И на нервах снова прибегнул к своей трубке.

– Хватит курить, – сказал я и совершил неудачную попытку отобрать трубку.

Дюклён смотрел куда-то в сторону, мысленно блуждая в совсем других краях.

– Воть поймаю этяго засрался, и тяк онь у меня полюсит! (Пых-пых) Тяк полюсит!

Было немного страшновато глядеть на Дюклёна в тот момент.

– Ладно, давай ловить твоего дракона, – сказал я. – Где он может быть?

– Не гони лосадей, – сказал Дюклён, и в ответ послышалось ржание, доносившееся от той самой лошадки с выбитым зубом. – Для насяла ням надя поесть.

– Н-да, не помешает, – сказал я, вновь ощутив вакуум в желудке.

– Сьтёби поймать Мурдиклиффа, ням понядобится осень мнёго сил.

– Ладно, хорошо. Я тогда пойду домой – пирожков поем, – и повернулся было к выходу. – А ты где будешь есть?

– Не знаю… (Пых-пых) А где у вась туть мозьня отведать мозёня и рулетя?

– Мозёня и рулетя?

– Угю.

– Мороженое и рулеты?

– А я как сказаль?

– Ну-у, это только в магазине.

– Тогдя посьли в магазинь! – сказал Дюклён и решительно стукнул ладонью по загородке.

– Ты совсем, что ли? Не пойду я в такой мороз в магазин. Да и ты хоть знаешь, сколько до него идти?

– Сколькя?

– Много… Два километра минимум.

– Дьва километра… – Пых… пых… – А этя мнёго?

– Конечно. Тем более в такой мороз.

– Дя-я… – озадаченно почесав голову. – Если дьва километра этя мнёго, тогдя я не пойдю в магазинь… Меня тудя отнесуть.

– Кто?

– Ти.

– Ага, разбежался.

– У тебя неть выборя!

– Ага! делать мне больше нечего. Я вот сейчас пойду домой и наемся пирожков, а ты сиди тут и голодай. Мне вообще без разницы, – и сказав это, я развернулся-таки к выходу.

– Ти кудя собрался!

– Домой.

– А магазинь! Без меня ти Мурдиклиффа не поймаесь! А в голёдном сястоянии я его найти не сьмогу! – Дюклён вёл себя так, будто был заточён в тюремной камере, а я являлся надзирателем, не желающим клевать на его авантюру, ради которой придётся освободить его из заточения.

– Ну и ладно, – сказал я, медленно топая к двери.

– Эй, ти сего!.. Ти! – Дюклён очень и очень сильно беспокоился. – Стёй! Если Мурдиклиффа не остановить, онь унисьтозит весь этят мир!

Услышав эти слова, я почувствовал спазм в животе, и причиной тому был явно не голод. Я чутка замедлил шаг.

– Онь испепелит здесь всё! Вклюсяя зивотних! – весь хлев вмиг наполнился тревожными хрюканьями, ржаниями, блеяниями, с улицы послышались гусиный гогот, кряканье и кудахтанье. – Онь созрёт их всех! – Я закрыл уши, поскольку пасти всех животных прямо-таки взорвались при этой фразе. Бешено затопали копыта. – Потём Мурдиклифф созрёт тебя! тьвою ведьму! хмм… – Дюклён неожиданно запнулся, обдумывая этот заманчивый вариант событий, но потом всё же вернулся на прежнюю колею. – И этя тёлько сегодня! Если его не остяновить, зявтра онь узе доберётся до городя, а послезявтра и до Египтя!

Дюклён задыхался от своей речи. В своём розовом комбинезоне он был вылитый дьяволёнок из мультфильмов.

Признаюсь, моё сердце испуганно забилось внутри грудной клетки. Я не желал погибнуть в пламени дракона и не желал того же для моих папы и мамы. Хватило бы одной сестрёнки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.